

УДК 821.161.1.09-311.6+808.1

КОНЦЕПЦИЯ ВОЙНЫ 1812 г. В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Е.Я. КУРГАНОВА

(статья третья)

Е. Н. Брызгалова

Тверской государственный университет
кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью

В данной статье продолжается исследование исторической прозы Е.Я. Курганова, посвященной Отечественной войне 1812 года. Автор обратился к изучению мемуарной прозы и соотношения субъективного и объективного начал.

Ключевые слова: авторская стратегия, историческая проза, мемуары, Отечественная война 1812 г.

В данной работе мы продолжаем исследование исторических романов Е.Я. Курганова, посвященных Отечественной войне 1812 года, начатое ранее [2; 3]. В предыдущих статьях предметом осмысления уже становились такие литературоведческие проблемы, как заголовочный комплекс, парадигма отношений автора и читателя, способы изображения действительности, особенности композиции и др. Причем все эти проблемы рассматривались под углом зрения воплощения концепта *война*, несомненно, являющегося центральным в концептуальном поле романов. Продолжим наши изыскания и остановимся на некоторых особенностях исторической прозы писателя.

Современная литература предлагает читателю самые разные схемы построения текста и способы выражения авторского замысла [16]. Как известно, всякий художественный текст представляет собой многослойное единство различных авторских стратегий. И одной из сторон, характерных для любого исторического художественного произведения и вызывающих неизменный интерес у читателей, является соотношение объективного и субъективного начал. Они обычно рассматриваются с точки зрения автора и читателя как *объективная информация* и *субъективное восприятие*. Философы воспринимают субъективное и объективное как две стороны одной категории: «Два философских понятия – «объективное» и «субъективное» – обозначают *один* поворот, *одно* рассечение универсума, то есть *одну* категорию» (выделено автором. – Е.Б.) [5]. Эта категория фиксирует сложные взаимоотношения человека с миром, «а именно, деление универсума на то, что относится к сфере самого человека и того, что ему противостоит как внешнее» [5].

В романах Е. Курганова объективное и субъективное находятся в сложных взаимоотношениях: поскольку большинство текстов написаны в форме мемуаров, дневников, записок, найденных рукописей и прочих субъективных свидетельств, то их объективизация возможна только с точки зрения читателя. Другими словами, из нескольких субъективных источников читатель может, со- или противопоставив их друг другу, составить объективное мнение о человеке или событии. Обратимся к роману «Шпион Его Величества, или 1812. Историко-полицейская сага» [6–15],

который, как уже говорилось, занимает особое место в создании концепции войны. Позволим себе повторить то, что уже было оговорено в предыдущих исследованиях: роман, как и другие произведения Е. Курганова, представляет собой собрание нескольких мемуаров и записок, принадлежащих участникам описываемых событий. Но основной текст – это записки Якова де Санглена, создателя и главы русской военной полиции. Получается, что Санглен со своими суждениями и своим видением происходящего противостоит остальным мемуаристам и постоянно оспаривает их взгляды и интерпретацию происходящих событий. Каждый из мемуаристов становится противником Санглена, и читатель должен решить, кому верить, а чье мнение признать ложным или ошибочным.

В первой книге романа героями-антагонистами становятся Яков де Санглен и Александр Дмитриевич Балашов, соперники в профессиональном (оба возглавляют полицейские структуры, отвечающие за поимку шпионов) и социальном планах, так как оба ищут расположение царя. В основном тексте романа читатель видит происходящее глазами Санглена, чей дневник и составляет основное его содержание. Балашовское видение происходящего представлено в «Шпионских играх» – якобы записках этого государственного деятеля, известного современникам в том числе и своими нелюбимыми поступками. Характерно, что текст «Шпионских игр» предваряет выдержка из «Записок моей жизни» Н.И. Греча, в которой Балашов назван «посредственным и слабохарактерным», а выдержка из книги М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского» еще более конкретизирует характеристику героя с негативной стороны.

Таким образом, автор романа противопоставил друг другу героев, которые были порождением одной эпохи и оставили в ней свой след и которые вызывали у современников очень противоречивые, а часто и негативные оценки. Поэтому их невозможно противопоставить друг другу, используя оппозиции «плохой» – «хороший», «умный» – «глупый», «патриот» – «тайный сторонник французов» и прочее. Они во многих коллизиях располагаются «рядом», как, например, по роду деятельности, но в то же время оказываются противниками и, что характерно, именно такими себя и ощущают. Такая расстановка сил воспринимается как одна из творческих удач, поскольку позволяет более детально передать общую атмосферу жизни того времени, ощутить ее колорит, познакомить читателя с тонкостями и нюансами эпохи, в которую считалось высшим достижением снискать расположение царя и удерживать его как можно дольше.

Придавая повествованию форму мемуаров (сразу же оговоримся, что понимаем мемуары как метажанр [4], включающий в себя самые разные жанровые модификации [1]), Е. Курганов создал сложную систему противовесов и оппозиций и тем самым предоставил читателю самому разбираться в характерах и поступках персонажей, почти полностью отказавшись от того, чтобы открыто выражать собственные оценки. Перед читателем две субъективные версии происходящего, позволяющие не только судить о событиях, но и составить представления о характерах и личностях их авторов. Они, авторы записок, настаивают на искренности и правдивости своих мемуаров. Балашов предваряет свой текст фразой: «Чистосердечный рассказ о событиях, предшествовавших грозному 12-му году» [14]. Санглен не раз упоминает о правдивости и объективности своих записей.

Вспомним, что в структуре романа есть и другие авторы-мемуаристы, чьи записки оказываются в архиве Санглена, который комментирует их, дает оценки, высказывает свое мнение о событиях, иногда подтверждает, а чаще опровергает ска-

занное оппонентами. Среди таковых оказываются Алина Коссаковская – тайный посланец Наполеона (а может быть, и двойной агент – вопрос об этом так и остается непроясненным до конца романа), на поимку которого брошены лучшие силы полиции [9], финансист Абрам Перетц [8], польский аристократ Адам Чарторыйский [11], отставной ротмистр Давыд Петрович Саван [15] – один из лучших разведчиков той эпохи, по мнению писателя.

Все эти люди так или иначе причастны к происходящему в романе и к реальной истории, поскольку, за исключением графини Алины Коссаковской, это реальные личности николаевской эпохи, повлиявшие на ход борьбы с Наполеоном и на жизнь русского императорского двора и кругов, близких к верхам общества. Каждый из них оставил реальный след, а в качестве авторов записок и героев романа они становятся составляющими сложной мозаики, в центре которой Яков де Санглен – глава и создатель русской воинской полиции. Мемуаристы часто отзывались о нем негативно, а он в своих комментариях «на полях» их рукописей яростно отбивается, обвиняя авторов во лжи («... сплошное вранье. Верить ... не стоит» [9]) и в субъективности («Сие сочинение носит пасквильный характер» [9]), всегда поддерживает решения императора, обманывающего недавних любимцев, как в истории с Чарторыйским или Перетцем, срамливающего своих подчиненных, как в истории Балашова.

Читатель оказывается в сложной и неоднозначной ситуации, которая максимально приближена к реальности: несколько взглядов очевидцев и участников на происходящее, несколько точек зрения на события, составившие один из центральных «узлов» российской истории, несколько интерпретаций как частных судеб, так и судьбы страны и даже Европы в целом.

Благодаря такому способу повествования с множеством точек зрения, создается сложная схема взаимоотношений героев, в центре которой Яков де Санглен – главный герой, автор дневников, составляющих основной корпус текста романа, комментатор, оценивающий и собственные действия, и мнения и поступки других героев. На каких-то этапах развития сюжета образуются связи Санглен – Балашов, Санглен – Перетц, Санглен – Чарторыйский. Особая связь устанавливается между Сангленом и Алиной Коссаковской, поскольку оба героя действуют на протяжении всего романа. Но в первом томе одним из основных оппонентов Санглена, как уже отмечалось, оказывается Александр Дмитриевич Балашов – министр, поначалу непосредственный начальник героя, а по мере восхождения того по служебной лестнице – все более воспринимающийся как оппонент и противник в борьбе за внимание императора Александра Павловича. В записках Балашова и в дневниках Санглена, как и в случаях с финансистом Перетцем, польским магнатом Чарторыйским, разведчиком Саваном, даны противоположные точки зрения на происходящее. Но есть и ощутимые различия: эти записки Санглен не комментирует, и потому в них преобладает точка зрения их автора, Балашова, который обвиняет своего бывшего подчиненного во многих грехах, и особенно в предательстве по отношению к себе, в желании всеми средствами, среди которых много, с его точки зрения, недостойных, «оттянуть» на себя внимание государя, выставить его, Балашова, в неприглядном свете в глазах монарха: «Тогда я даже и представить себе не мог тех гнусностей (да, да! именно так), на какие, оказывается, способен мой милейший друг Яша, Жак де Санглен, движимый страстным и непреодолимым желанием во что бы то ни стало завоевать личное расположение самого Государя Императора Александра Павловича» [14].

В записках Балашова, по сравнению с другими героями-мемуаристами, в большей мере раскрываются многие черты личности автора, причем совсем не так, как он того желает, а часто вопреки его устремлениям. Можно сказать, что по мере прочтения записок в сознании читателя объективно возникают параллели и сравнения, в результате которых ярко высвечивается характер самого мемуариста и возникает уверенность в том, что Балашов обвиняет Санглена в том, в чем «грешен» сам.

Составляя художественную ткань романа из субъективных фрагментов, Е. Курганов использовал для характеристики своих героев специфические приемы, поскольку каждый персонаж предстает перед читателем как бы в тройном свете: то, каким он видит себя сам (и представляет читателю в своих записках), то, каким его видит Санглен, и то, каким все это представляется читателю, так как взгляд Санглена ни в коем случае нельзя считать истиной в последней инстанции. Не зря же автор романа постоянно подчеркивает, что современники отнюдь не считали главу высшей воинской полиции безгрешным. В результате создается многомерная картина, в которой каждая точка зрения претендует на истину (этому способствует сама форма дневников, записок, мемуаров, то есть «искренних» рассуждений автора), но таковой не является.

При этом каждый из мемуаристов вольно или невольно старается себя оправдать и представить свои действия единственно правильными, а противника – «разоблачить». В результате создается сложный психологический рисунок, как бы сотканный из недомолвок, противоречий, умолчаний, или, наоборот, – из субъективных интерпретаций собственных поступков.

Все сказанное можно соотнести с тем, как раскрывается личность Балашова в его записках. В первой части «Об отношениях моих с военным советником Яковом де Сангленом» автор несколько раз говорит о его неблагодарности, обвиняя в предательстве по отношению к себе: «Милейший друг мой Яша на многое открыл мне глаза; он начисто лишил меня такого качества, как доверчивость, и продемонстрировал, что благодарность может быстро выдыхаться, чего я ранее никак не предполагал» [14]. При этом читатель, исходя из того, что уже знает о герое, не верит ни в его доверчивость, ни в его искреннюю привязанность к «милейшему другу Яше». Из записей мемуариста следует, что Яше он покровительствует прежде всего потому, что может извлечь из его способностей выгоду для себя: его «протезе» обладает навыками, полезными для чиновника – составляет прекрасные доклады для императора, с умом распоряжается полученными сведениями и оказывается в каких-то ситуациях просто незаменимым. Но при этом, как считает Балашов, он должен всегда оставаться в его тени и всеми силами способствовать его карьере.

В пятой части записок ситуация с возвышением Санглена представлена подробно: именно его четкие и толковые отчеты понравились царю, который повелел министру Балашову привозить с собой их автора «на доклады». Примечательна фраза мемуариста: «И стал Санглен ездить со мною в Царское Село, хотя мне сие чрезвычайно не нравилось, чего я и не думал утаивать от своего подопечного. Видя мое недовольство, Яша стал скрытничать и осторожничать» [14]. С одной стороны, Балашов признает, что Санглен не мог ослушаться государя и уклониться от встреч с ним, а с другой, интерпретирует его возвышение как измену.

Вся эта история представлена и в дневниках Санглена, но уже в его понимании. Там Балашов предстает перед читателем как честлюбивый, но не очень умный чиновник, думающий не столько о деле, сколько о личных выгодах, проистекающих из расположения императора. В записках Санглена большое место отведено имен-

но делу поимки французских шпионов и раскрытию тайной сети бонапартистов на русской территории. А в повествовании министра все сводится к решению каких-то личных комбинаций, к подчеркиванию собственной порядочности и к преувеличению собственной значимости. Это и становится определенной косвенной характеристикой героя: читатель «между строк» получает сведения, которые позволяют ему составить истинную картину. Примерно так же, хотя и в меньшей степени, дело обстоит с другими авторами записок, хотя в них в качестве противодействующей силы (или некоего мерил правдивости, если так можно сказать) выступает Санглен со своими позднейшими «заметками на полях».

Например, в первой части записок Савана тот часто упоминает о своих отношениях с Суворовым, которого он называет свои учителем и благодетелем. А Санглен «на полях» замечает: «А на самом-то деле отставной ротмистр Саван вряд ли когда-либо близок был к Суворову. Вряд ли они хотя бы двумя словами перемолвились. Во всяком случае я на сей счет никакими данными не располагаю. А уж о дружбе между генерал-фельдмаршалом и отставным ротмистром и речи быть не может» [15]. Так ли это на самом деле, решать читателю: он может поверить автору и подумать, что комментатор просто ему завидует. А может, он поверит Санглену, и тогда Саван в его глазах будет выглядеть если и не лгуном, то любителем «прихвастнуть». В зависимости от преобладания той или иной точки зрения в сознании читателя будет выстраиваться логика характера героя и будет восприниматься его личность.

Казалось бы, все проясняется, и становится понятной авторская стратегия в том, что касается системы образов. Но по мере развития сюжета, а значит, и дополнения общей картины войны 1812 года, все чаще у читателя возникает ощущение, что авторский замысел гораздо глубже, нежели желание познакомить нас с тем или иным человеком, охарактеризовать его с многих сторон и заставить читателя самого нарисовать его портрет. Дело в том, что из множества таких мозаичных фигур составляется общая картина эпохи, жизни общества – императора, его приближенных, их подчиненных, войсковых командиров и многих, многих других, чьи деяния в той или иной мере оказались «мазком кисти» на полотне времени.

Через сюжетные пары (Санглен – Балашов, Санглен – Саван и прочее) писатель доводит до нас характерные черты эпохи, «запах» времени, когда все определялось расположением венценосной особы, когда личные заслуги измерялись благорасположением вышестоящих, когда человек мог совершить по-настоящему героический поступок, но оказаться в опале. Царь Александр умел возвысить тех людей, которые в данный момент казались ему особенно нужными, но умел и поссорить своих выдвиженцев, заставив «присматривать» друг за другом. А мог со временем и просто предать их, разорить или отправить в изгнание. История со смещением Сперанского демонстрирует многие «закулисные» черты, воспринимаемые людьми той эпохи как нормальные до той поры, пока не касались лично данного человека. Министр Балашов пишет: «Государь задумал сместить государственного секретаря своего Михайлу Сперанского и поручил уже мне неукоснительно установить за ним наблюдение. И вот после этого он вызывает Санглена и просит его присматривать также за Сперанским и одновременно за мною. И негодяй Санглен согласился. Конечно, он не смел ослушаться Государя – сие начисто исключалось» [14]. Произвол царской власти, которая карала или миловала часто не за прегрешения или заслуги, а по личному указанию монарха, описан Балашовым как одна из примет эпохи: «Сей маркиз, отнюдь не отличавшийся качествами великолепного

морского офицера, получил морское министерство токмо за то, что поставил нашему любвеобильному Государю одну превосходнейшую девицу» [14]. Он и сам участвовал в подобных играх (история девицы Лизы Шот-Шедель) и надеялся на благосклонность государя, но вот когда оказывался в роли поднадзорного, почему-то чувствовал себя оскорбленным.

Постепенно в записках любого из мемуаристов между строк, будто бы на втором плане, проявляются какие-то стороны жизни того времени. Например, у Балашова мы видим общество, в котором «не следящих как будто уже и не было вовсе. Каждый хоть за кем-то да следил» [14]. Сам себя герой позиционирует как человека, «сызмальства приученного к благородному и тонкому обращению» [14], в чем-то наивного, а читатель при этом уже знает, что именно он организовал слежку за Сперанским, а потом и провокацию против него, имеющую цель опорочить его в глазах царя и тем самым сделать его отставку замотивированной. В «Дневнике Алины» за рассказом о жизни великосветского Петербурга, о бесконечных балах и «амурных интрижках» вельмож и императора тоже проступают приметы времени: ощущение близкой войны, борьба сторонников столкновения с Наполеоном и противников военных действий и др.

В результате во всех записках объективно обнажаются какие-то тайные «пружины» тех или иных действий исторических деятелей, становятся более понятными или обретают новые черты давно известные события, произошедшие в действительности. Общий портрет эпохи дополняется новыми видами и красками. Таким образом, категории «субъективное» и «объективное» действительно оказываются взаимосвязанными и создают единство, в котором читателю отводится решающая роль.

Список литературы

1. Богатырева Д.А. Формы выражения авторского присутствия в мемуарах М. Цветаевой : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.01 / Д.А. Богатырева ; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2009. 175 с.
2. Брызгалова Е.Н. Концепция войны 1812 г. в исторической прозе Е. Курганова (статья первая) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 4. Вып. 1. С. 20–30.
3. Брызгалова Е.Н. Концепция войны 1812 г. в исторической прозе Е. Курганова (статья вторая) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. Вып. 1. С. 17–27.
4. Кириллова Е.Л. Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации (на материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Е.Л. Кириллова ; Дальневост. гос. ун-т. Владивосток, 2004. 221 с.
5. Книгин А.Н. Учение о категориях [Электронный ресурс]. URL: http://sbiblio.com/VIBLIO/archive/knigin_kategorija/01.aspx. (Дата обращения: 20.01.2015.)
6. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 год. Июль – сентябрь 1812 г. Москва (историко-полицейская сага). М. : Икс-Истори, 2011. 352 с.
7. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 г. Апрель – июль. Вильна (историко-полицейская сага). М. : Икс-Истори, 2011. 384 с.
8. Курганов Е. «Где соль, там и Перетц»: Эпизод из историко-полицейской саги «Шпион Его Величества» [Электронный ресурс] // Заметки по еврейской истории.

2014. № 1 (171). Январь. URL: <http://berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer1/Kurganov1.php>. (Дата обращения: 18.01.2014.)
9. Курганов Е. Дневник Алины. Бумаги из архива военного советника Якова Ивановича де Санглена [Электронный ресурс] // День и ночь. 2013. № 6. Журнальный зал. URL: <http://magazines.russ.ru/din/2013/6/29k.html>. (Дата обращения: 12.02.2014.)
 10. Курганов Е. Шпион его величества // Нева. 2005. № 12. С. 6–98.
 11. Курганов Е. Книга Адама (Секретные прибавления к мемуарам А. Чарторьского) // Архив автора.
 12. Курганов Е. Шпион Его Величества (историко-полицейская сага). Москва. Охота на французов (конец июня – первая половина июля 1812 года) // Архив автора.
 13. Курганов Е. Шпион Его Величества, или 1812 год (историко-полицейская сага в четырех томах). Том первый. Петербург – Вильна. Март – июнь 1812-го года. [Электронный ресурс]. URL: <http://flibusta.net/b/173131>. (Дата обращения: 07.12.2013.)
 14. Курганов Е. Полицейские игры. 1810–1811 годы // Архив автора.
 15. Курганов Е. Тройной агент, или Два француза // Архив автора.
 16. Оробий С.П. Страшные сказки о Родине: Илья Бояшов, Андрей Тургенев, Александр Терехов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. №. 19. Вып. 4. С. 81–87.

**THE VISION OF THE WAR OF 1812 IN E. KURGANOV'S
HISTORICAL PROSE
(THE THIRD ARTICLE)**

E. N. Bryzgalova

Tver State University
the department of journalism, advertising and public relations

This article continues the study of the historical prose of E. I. Kurganov, dedicated to the Patriotic war of 1812. The author turned to the study of prose memoirs and correlation of subjective and objective began.

Key words: *original strategy, historical fiction, memoirs, Patriotic war of 1812.*

Об авторе:

БРЫЗГАЛОВА Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: bryzgalovaelena@gmail.com.